

1-6 АПР 1986

ИЗВЕСТИЯ

НАЖДЫЙ вечер у нас во дворе, в скверике вокруг детской площадки собирается компания подростков. Курят, скучно шутят, развлекаются на детских качелях, сквернословят... Время от времени здесь вспыхивают драки. Взрослые, которые идут мимо, отворачиваются, торопясь скорее шмыгнуть в подъезд. Я смотрю в окно, и меня охватывает острое чувство собственной вины: чего только не делаем, чтобы помочь этим ребятам, а они все те же, что и много лет назад. В чем секрет?

Еще совсем недавно — в третьем, четвертом классе они, эти же дети, даже если и не послушные, и не отличники, были управляемы, и вдруг... Впрочем, нет, не вдруг. Истоки превращения идут из раннего детства, из дошкольной, я бы даже сказал, молочной поры.

Один папа жаловался мне, что его мальчик растет жестоким: «Кошку терзает, повесить надумал! Откуда это у него, сам я так люблю животных!» Но этот любвеобильный папа сына наказывал безжалостно, с женой был груб и несдержан.

Конечно, не совсем уж напрямую перенимают дети наши достоинства и недостатки. Они вырастают такими или другими и благодаря и вопреки своим воспитателям.

Однажды после творческого вечера театра, кажется, это было на гастролях в Куйбышеве, ко мне подошла женщина и с болью спросила: «Как растить сына добрым, если окружающий мир бывает так жесток!» Не сразу ответишь на этот остро поставленный вопрос.

Конечно, многое в жизни формирует человека, многое ломает, меняет, сгибает его, но напрямую и сохраняет лучшее в нем — добро и красота. Я всегда верил и продолжаю верить в то, что добрые, чуткие сердцем люди гораздо более защищены в жизни, способны на большую стойкость и мужество, нежели жестокие, злые, равнодушные к ближним и обществу. Сила человека измеряется, в сущности, его духовностью. Именно этой силой хрупкий, физически не столь уж крепкий Дюшка, герой нашего спектакля «Весенние перевёртыши» по повести В. Тендрякова, берет верх над Санькой Ераховым, глухим ко всему и всем. Воспитание сердца, о котором столько говорил В. А. Сухомлинский, и есть воспитание гражданина.

Мне кажется тревожным и опасным стремление многих родителей укреплять и закалять детей, заботясь об их физическом здоровье куда больше, чем о здоровье нравственном.

Они защищают свои воспитательские позиции тем, что, дескать, нужно, чтобы человек мог постоять за себя.

Я отнюдь не против физического здоровья, физической силы, нет. Но мне кажется, что само по себе «здоровое тело» еще не обеспечивает «здоровый дух». В конце концов кумир века — спорт — это тоже не только и даже не столько сила мускулов и ловкость, но прежде всего — сила и богатство духа, готового преодолеть, казалось бы, непреодолимое.

Мы часто жалуемся на собст-

больше, чем школьная, обеспечена вниманием к эстетическому развитию личности — от колыбельной песни матери и детских книжек до первых радостных встреч с мультфильмами, театром кукол, телепрограммами, предназначенными малышам. Надо признать, что и младший школьник не обойден умными и добрыми удовольствиями, а вот о подростке, которому более всего необходимы содержательные эстетические впечатления, этого не скажешь.

С одной стороны, так происходит, очевидно, оттого, что

им не хватает общения на равных. С благодарностью вспоминаю свою бабушку, которая никогда не вычисляла, маленький я или большой, а всегда вела себя очень искренне, как подсказывает сердце.

СЕЙЧАС многим взрослым в семье и в школе мешает наставнический зуд. И радио, и пресса, и телевидение не устают повторять: «трудный возраст», у «опасной черты», и мы вооружаемся до зубов, усиливаем дидактические атаки на воспитуемых. А им в это время нужнее всего наше доверие, наше уважение. Нет ничего вреднее панической настороженности в отношениях с подростками: она исключает близость, которой единственно дано защитить от беды. И нас, и их. И тут может помочь искусство. Особенно верю в театр. И естественно, более всего — в театр юных зрителей.

К сожалению, подчас встречаешься с тем, что взрослые своей дидактический азарт, обращенный к детству, переносят и на театр, ждут от него сугубо утилитарной помощи в разъяснении и иллюстрации, скажем, школьных программ, правил поведения... Но дело театра не наставлять или поучать, а защищать от глухоты и косности.

Вспоминая свое детство, понимаю, как много значили для меня книги, песни, школьная самодельность, фильмы (порой совсем не детские) и, конечно, мой Новосибирский ТЮЗ. Он был — может быть, это особенно болезненно воспоминаний — прекрасным. Детские игры продолжались там, в театре. Театр учил нас любить и ненавидеть, играть и фантазировать. Особое значение театра юных зрителей сегодня не только в том, что он обращается к юным, а и в том и даже скорее в том, чтобы и взрослых возвращать к тем первым, свежим, искренним впечатлениям, которыми они когда-то жили. Вот почему, обращаясь к родителям наших зрителей, я говорю им: купите билет в театр и идите к нам вместе с детьми, даже если уже нет нужды переводить их через дорогу и завязывать им шарфы, читайте вместе, смотрите вместе, думайте и чувствуйте вместе, и тогда в трудное время, когда естественные нити, связующие младших со старшими, слабеют, появятся новые связи, самые прочные — духовные. Уже навсегда.

З. КОРОГОДСКИЙ,

главный режиссер Ленинградского ТЮЗа, народный артист РСФСР.

Педагогические раздумья

ВСПОМИНАЙТЕ СВОЕ ДЕТСТВО

венных детей — это тоже стало модой, думаю, дурной. Дескать, и потребители они, и нестерпимо застревают в собственном детстве. Но, простите, чья же в этом вина? Мы мало в чем доверяем детям, пока они растут, порой не доверяем вовсе. Даже когда дети вступают в пору юности, не говоря уже о трудном и сложном отроческом возрасте, мы контролируем их и поучаем, все чего-то боимся и опасаемся. Чрезмерные заботы, повышенная бдительность по отношению к детям ограничивают их жизненное пространство, лишают возможности приобретать собственный опыт ошибок и удач, социальных отношений и чувств.

НЕВОЗМОЖНО преувеличить в связи с этим роль искусства, прежде всего театра, способного обогащать душу высокими переживаниями, наполнять ум сознанием подлинных ценностей. Важно лишь, чтобы процесс духовного строительства был непрерывен, чтобы одна ступень вела к другой. У нас в театре мы формируем репертуар, руководствуясь этим принципом, стремясь объединить под крышей театра юных зрителей как бы пять театров — младшего школьника, младшего и старшего подростка, театр старшеклассников и взрослых — учителей, родителей. В этой системе самое важное звено — театр отрочества.

Дошкольная пора наших детей

родители многое пускают на самотек, позволяют себе как бы перевести дух после забот и тревог, связанных с младенчеством своих сыновей и дочек. Нам в театре это бывает особенно заметно по тому, как активны в своем стремлении попасть в театр вместе с детьми родители младших школьников и особенно дошкольников и как пассивны и даже равнодушны в этом отношении родители двенадцатилетних ребят и старше.

Между тем именно пора отрочества требует повышенного и умного педагогического внимания к себе. Очень уж загадочен и своенравен этот возраст. Многих он повергает в растерянность. Как общаться, как говорить с подростком, чтобы не сюсюкать, чтобы не впасть в сентиментальность (и быть осмеянным), не быть слишком суровым, недоступным и не допустить панибратства, не перейти черту. Мы все время что-то взвешиваем, измеряем и не пользуемся при этом единственным инструментом, на который можем положиться, — памятью о собственном детстве.

Поэтому скорее всего и теряем верный тон, верное самочувствие в отношениях с детьми. Бросаемся от высокомерия к угодничеству — чувствам ненатуральным, а дети, прежде всего в отрочестве, страдают от всякой неестественности, фальши. Они остро переживают недостаток натуральности в об-